

ФЕДОРОВ Л. И. — КАЛИНИНУ М. И.
ФЕДОРОВ Л. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ФЕДОРОВ Л. И. — ПОМПОЛИТ
ПОМПОЛИТ — ФЕДОРОВУ Л. И.
ПЕШКОВА Е. П. — ФЕДОРОВУ Л. И.
ФЕДОРОВ Л. И. — ВИНАВЕРУ М. Л.
ФЕДОРОВ Л. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПЕШКОВА Е. П. — ФЕДОРОВУ Л. И.
ПОМПОЛИТ — ФЕДОРОВУ Л. И.

ФЕДОРОВ Леонид (Леонтий) Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербурге. Рано лишился отца, воспитывался матерью. Окончил классическую гимназию, три курса отучился в православной Духовной Академии. Заинтересовался католичеством, встретился во Львове с архиепископом Андреем Шептицким, затем выехал в Рим. 31 июля 1902 — воссоединился с Католической Церковью. В 1907 — окончил Папскую иезуитскую коллегию в Ананьи под Римом, позднее учился в Коллегии при Конгрегации распространения веры. Окончил университет во Фрейбурге, с 1909 — ректор и профессор в духовной семинарии ордена студитов во Львове, затем в Стамбуле. 25 марта 1911 — рукоположен во иерея, с 1912 — в монастыре студитов в Боснии, как монах Леонтий. В 1914 — вернулся в Петроград, выслан в Тобольск под строгий надзор полиции. В марте 1917 — освобожден, вернулся в Петроград, служил настоятелем церкви русских католиков Сошествия Св. Духа, руководил монашеской общиной Св. Духа. Участник Собора русских католиков, там был создан экзархат для католиков восточного обряда в России, назначен его главой. В феврале 1921 — назначение утверждено Папой Бенедиктом XV. 21 октября 1922 — арестован в Петрограде, в тот же день освобожден.

В декабре 1922 — обратился с заявлением к М. И. Калинин, председателю ВЦИК.

<7 декабря 1922>

«Председателю Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета гражданину Калинин»

от Экзарха Греко-Католической
Униатской Церкви Протопресвитера
Леонида Федорова. Петроград.
Петрогр<адская> Стор<оронв>
Малый просп<ект>, д<ом> 76, кв. 3

Заявление

Гражданин председатель, 5 декабря сего года по распоряжению Правительственной Власти были насильственно запечатаны все католические храмы Петрограда за отказ настоятелей их и прихожан подписать "расписку" — в предложенной им Правительственной форме, — которой они обещаются содержать свой храм, отвечать перед правительством за сохранность церковного имущества и пользоваться им исключительно для религиозных целей. Эта новая расписка есть не что иное, как сокращенная форма договора между Советской Властью и каждым отдельным приходом, приложенного к Инструкции 30 августа 1918 г<ода>. При опубликовании этой инструкции мы, католики, заявили о ее неприемлемости для нас, как нарушающей основные католические представления об отношении прихода и мирян к своему настоятелю и Верховной Церковной Власти. Этот договор ставил нас в положение гораздо более худшее того, в каком мы находились при царском режиме,

когда наша религиозная свобода была всячески стесняема. Поэтому вышеупомянутый договор некоторыми католическими приходами был совершенно не принят, некоторыми же был принят с той оговоркой (включенной в самый текст договора), что он принимается нами впредь до разрешения Святого Апостольского Престола, т<ак> к<ак> такого рода договоры или конкордаты подлежат компетенции Высшей Церковной Власти Католической Церкви. В такой форме этот договор был принят и нашим русским греко-католическим приходом, однако же впоследствии оказалось, что эта оговорка в самом тексте договора была кем-то очень искусно уничтожена. При подписании нами договора со стороны правительства, как его представитель, участвовал находившийся тогда при Комиссариате Юстиции Сергей Никанорович Драницын. Причинами, которые заставили нас тогда, хотя бы в такой форме подписать договор, были заявления представителей Правительства (в особенности гражд<анина> Красикова) о том, что такая форма договора (во многом для нас, католиков, прямо оскорбительная) вызвана свирепствовавшей тогда контрреволюцией и военным положением всей страны, и что мы должны этому покориться, чтобы доказать сочувствие Советской Власти, что мы тогда и сделали.

Но когда в этом году Правительство хотело заставить нас подписать тот же самый договор в безусловной форме и навсегда, мы потребовали, чтобы нам дано было снести с Апостольским Римским Престолом относительно приемлемости договора, что нам и было позволено. Святой Престол через польского нунция довел до нашего сведения, что такой договор абсолютно недопустим с католической точки зрения. Желая, по-видимому, облегчить нам принятие договора, гражд<анин> Красиков прислал в Петербург сокращенный текст договора, названный на этот раз «распиской». И хотя в тексте расписки нет уже прежних, оскорбительных для нашей чести выражений, тем не менее все прежнее, существенно для нас неприемлемое, в корне искажающее наши католические, чисто религиозные понятия о приходе и превращающее его в протестантскую общину — оставлено.

Желая, как и всегда, идти навстречу всем требованиям Правительства, мы предложили принять эту расписку в несколько исправленном виде, прося только уважить наши религиозные воззрения. К этой новой расписке нами были приложены мотивировки неприемлемости прежней расписки в правительственной редакции. Чтобы ознакомить Вас с формой моей мотивировки, прилагаю копию с заявления, поданного мною "Заведующему столу регистрации обществ и союзов Исполкома Петроградского Района". Вместе с тем присоединяю к настоящему заявлению и копию протокола 4-го января 1920 года, составленного нами в момент временного подписания прежнего договора, в котором обращаю Ваше внимание на пункт 4, изъясняющий выражение «неопороченного по суду» в единственно приемлемом для нас виде. Обращаю также ваше внимание, что несмотря на 1-й и 2-й пункты этого Протокола, устанавливающий употребление церковного имущества только для целей исключительно религиозных, тем не менее у нас было произведено изъятие серебра (½ фунта) в пользу голодающих, т<о> е<сть> церковное имущество было употреблено не на исключительно религиозные, а на гуманитарные цели.

Гражданин Председатель, это уже не первый случай вопиющего нарушения декрета об отделении Церкви от Государства, в котором торжественно возвещается полная свобода религиозной совести и религиозной пропаганды... На все наши прежние протесты против такого отношения к нам правительственные органы, к которым мы обращались, не находили нужным ответить нам ни единым словом и разъяснить наши недоразумения. От гражд<анина> Красикова при личном обращении к

нему мы слышали только грубые окрики и издевательства над нашими самыми священными религиозными чувствами. С нами даже не хотят войти в серьезное и спокойное обсуждение тех причин, которые заставляют нас решительно уклониться от подписания договора. Нам бросают только обвинения, что мы, якобы, не хотим повиноваться законам правительства. Горячо протестуя против этого нелепого обвинения, мы заявляем, что готовы всегда и во всем, касающемся чисто гражданского уклада нашей жизни, безусловно и до мелочей быть верными гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, повинаясь Советскому Правительству не за страх, а за совесть. Мы требуем только одного, чтобы не затрагивалась наша религиозная совесть, и нас не заставляли поступать вопреки нашим религиозным установлениям, ни в чем не затрагивающим строй, порядок и социальное развитие республики. Закон гласит, что "В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести".

А между тем нас преследуют и отдают под суд только за то, что мы в наших храмах и у себя на дому обучаем св. вере детей до 18-ти летнего возраста и позволяем им петь на клиросах и прислуживать в алтаре. Таким образом, вопреки закону, грубо попирается наше религиозное учение, предписывающее нам преподавать нашим детям Закон Божий и приучать к службе в св. храме. Эти, неслыханные ни в каком цивилизованном государстве религиозные гонения, в особенности несправедливы по отношению к нам, русским католикам (униатам), так много претерпевшим и гонимым при царском режиме и надеявшимся, что революция (какова бы она ни была) даст нам возможность свободно следовать нашим религиозным убеждениям.

Гражданин Председатель, если Вы озабочены сохранением законности в Республике и являетесь тем "Всероссийским старостой", к которому с надеждой обращаются взоры миллионов русских граждан, то надеюсь не откажете вступить и за нас, прекратив раз и навсегда издевательства представителей Советской Власти над нашей религиозной совестью. Еще до появления Инструкции 30-го августа 1918 г<ода> у правительства была благая мысль собрать смешанную Комиссию из представителей различных вероисповеданий и представителей Советской Власти для совместного обсуждения того, каким образом можно было бы лучше всего провести в жизнь Декрет об отделении Церкви от Государства. К сожалению, эта Комиссия, к участию в которой были приглашены Архиепископ Могилевский Ропп и я, так и не состоялась, и вышеупомянутая Инструкция была составлена единолично гражд<анином> Красиковым даже без ведома тогдашнего Управляющего Делами Совета Народных Комиссаров гражданина Бонч-Бруевича. Здесь надо искать источник всех печальных недоразумений между Церковью и Государством. Наоборот, создание такой Комиссии было бы великим благом для обеих сторон и избавило бы нас от печальной необходимости беспокоить Правительство нашими протестами.

Льщу себя надеждой, гражданин председатель, что во имя гуманности и справедливости Вы не откажете нам, русским католикам, в Вашей законной защите. Мы не настаиваем на неприменном тексте нашей расписки и готовы принять всякую иную, лишь бы она не нарушала наших церковных правил. Самым же лучшим разрешением вопроса было бы обращение Правительства к Апостольскому Римскому Престолу для заключения с ним конкордата.

Экзарх Российской Греко-Католической Церкви
Протопресвитер Леонид Федоров.

Петроград.
Декабря 7-го дня

1922 г<ода>»¹.

23 февраля 1923 — Леонид Иванович Федоров был арестован по групповому делу католического духовенства. Обвинялся «в противостоянии власти в изъятии церковных ценностей, обучении несовершеннолетних закону Божьему, зарубежных контактах и контрреволюционной пропаганде». 21-26 марта 1923 — на открытом судебном процессе приговорен к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах Москвы. 26 апреля 1926 — по ходатайству заведующего юридическим отделом Помполита освобожден досрочно с ограничением проживания на 3 года (-6.). Поселился в Калуге, летом выехал в Могилев и 10 августа 1926 — арестован там, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 8 августа 1929 — из лагеря освобожден, приговорен к 3 годам ссылки в Северный край; отправлен в деревню Войпола у села Пинега Архангельского округа. В ноябре 1929 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 ноября 1929>

«Войпола, 12/XI-929

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

В 1928 году у меня были забраны во время генерального обыска те мои богословские произведения и различные выписки из книг богословско-исторического характера, которые я сделал во время моего заключения в Соловецком концлагере. Так как в этих рукописях не было абсолютно ничего противозаконного, то начальство лагеря постановило выдать мне эти рукописи в момент моего освобождения из заключения в упомянутом концлагере. Вместе с рукописями мне было обещано выдать и забранные у меня две книги: "Требник" Киевского издания 1844 <ода> и брошюру архим<андрита> Илариона: "Всемирная конференция христианства".

Однако, благодаря внезапности моего отъезда из Соловецкого концлагеря (за два дня до окончания срока моего заключения) и благодаря некоторым техническим затруднениям, связанным с такою внезапностью отъезда, мне ни рукописей, ни обеих книг получить не удалось. Обыскивающий меня представитель цензуры предложил мне передоверить получение означенных рукописей и книг кому-либо из моих знакомых, находящихся в лагере с тем, чтобы он мог их впоследствии отправить по месту моей ссылки. Это я и сделал, передоверив получение рукописей и книг моему знакомому, Владимиру Васильевичу Балашову. Однако, несмотря на то, что я уже 2 месяца тому назад известил Балашова о месте моего нахождения и впоследствии послал еще 2 письма, он до сих пор моих рукописей и книг не прислал. Это я приписываю каким-либо затруднениям административного характера или просто его неумению справиться с этой задачей. Поэтому осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбой походатайствовать получению этих рукописей и книг, для каковой цели выдаю Вам доверенность на их получение.

Кроме того, 18 января сего 1929 года у меня были взяты мои богослужебные книги и книги Священного Писания, причем администрация обязалась и их выдать мне по истечении срока моего заключения в концлагерь, но по тем же самым причинам я до сих пор не получил их.

С совершенным почтением

Л. Федоров.

¹ РГИА. Ф. 826. Оп.1. Д. 1929. Л. 185-187 об. Автограф.

Архангельский округ, село Пинега, деревня Войпола, дом Луки Ивановича Старкова»².

В апреле 1930 — экзарх Леонид Федоров подтвердил получение денег от Помполита, в августе извещал о получении информации о своих рукописях.

<31 августа 1930>

«Войпола, 31/VIII-930

Восьмого января 1930 я получил от Комитета помощи политзаключенным за № 337/3 в ответе, что рукописи мои, отобранные от меня на Соловках, будут затребованы в Москву, а затем пересланы мне. Сим имею честь известить Вас, что оные до сих пор мною не получены.

С совершенным почтением
Л. Федоров.

Арханг<ельский> окр<уг>, Пинега, дер<евня> Войпола,
Леонид Иванович Федоров»³.

На письме — две пометы секретаря Помполита:
«Повт<орить>».
«1/XII. Нет отв<ета>».

В сентябре 1930 — экзарх Леонид Федоров получил ответ на свой запрос от юридического отдела Помполита, о чем сразу же известил.

<12 сентября 1930>

«Войпола, 12/IX-930

Сим удостоверяю, что сообщение Ваше о том, что ссылъные не подлежат принудительным работам, за № 798 от 18/VIII сего года, получил.

Приношу мою глубокую благодарность
Л. Федоров»⁴.

В октябре 1930 — экзарх Леонид Федоров пришел на регистрацию в Пинегу, там отказался от принудительных работ и был арестован, о чем сразу же сообщил в Помполит.

<10 октября 1930>

«10/X-930. Пинега.

Несмотря на мое заявление и на докторское свидетельство, арестован за отказ от работ и сажу в Пинежском арестном доме.
Л. Федоров»⁵.

Из Пинеги экзарх Леонид Федоров через Архангельск был отправлен в лагерь для работы на лесобирже, откуда вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<21 октября 1930>

«Высокочтимая Екатерина Павловна

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 593. С. 219. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 253. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 249. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 251. Автограф.

После приезда в Архангельск сейчас же отправлен в Севитлаг, *Отдельный Лагерьный Пункт* Лесобиржа № 9, 15 рота, *нахожусь* до сих пор в весьма плачевном положении, *так как* был взят на регистрации и отправлен в Архангельск без вещей. Допроса еще не было, но предвидится обвинение в агитации. Вы спросите: какой? *Так как* никакой, конечно, не было, то обвинение пойдет по линии: "агитация личным примером" (sic!). Если опять дадут срок (*то есть* личный отказ от работ на сплаве), то нельзя ли заменить его одиночным заключением, *так как* оно в сто раз лучше такого, *например*, лагеря, где я *нахожусь* теперь, в особенности ввиду моего сильно пошатнувшегося здоровья. Отправил заявление Краевому Прокурору *Северного* края, где указал ему на всю нелепость моего ареста и его полного произвола. Приложил к нему копию выданного мне удостоверения о не привлечении к *принудительному* труду и докторское свидетельство.

Глубоко благодарный
Л. Федоров.

Р. С. 14 сентября *1930 года* у меня был на квартире обыск. Искали каких-то бумаг. Перевернули все и ничего не нашли»⁶.

Заведующий юридического отдела Помполита обратился в местные органы ГПУ и параллельно вновь подтвердил экзарху Леониду Федорову свой ответ.

<31 октября 1930>

«ФЕДОРОВУ Л.

В ответ на Ваше письмо сообщаем Вам, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, послано разъяснение о том, что Вы, как политический ссыльный, не подлежите назначению на принудительные работы»⁷.

Из лагеря экзарх Леонид Федоров был отправлен в Дом заключения в Пинеге, о чем успел сообщить Помполиту, в ответ Екатерина Павловна Пешкова телеграммой сообщила о решении ОГПУ.

<27 декабря 1930>

«ПИНЕГА, ДОМЗАК
ЗАКЛЮЧЕННОМУ ФЕДОРОВУ ЛЕОНИДУ ИВАНОВИЧУ

СПРАВКЕ ОГПУ РАСПОРЯЖЕНИЕ СНЯТИИ ЛАГЕРНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ ПОСЛАНО 26 ДЕКАБРЯ НОМЕРОМ 602008.
ПЕШКОВА»⁸.

После освобождения экзарх Леонид Федоров обратился с благодарственным письмом к Екатерине Павловне Пешковой, попросив также помощи для другого заключенного.

<31 декабря 1930>

«Архангельск.
31/XII-930.

Высокочтимая Екатерина Павловна.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 252. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 250. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 432. С. 256. Машинопись.

Не хочу обычными словами благодарности выразить то, что я чувствую по отношению к Вам, т<ак> к<ак> здесь нужны слезы, а не слова... С 30 <августа> я уже здесь. Мне предоставлено право вернуться в Пинегу, но пока, ввиду сильных морозов и дороговизны пути (от 70-80 р<ублей>) я попросил оставить меня в городе. Конечно, придется, прожить месяца два, а потом, пожалуй, найдется попутчик, если же нет, то придется ждать начала навигации. Когда-то Вы прислали мне на Соловки теплые вязаные кальсоны, но их пришлось мне потом отдать нашей неимущей братии. Не найдется ли еще таких для меня (но более длинных). На присланные Вами деньги мне удалось купить старый овчинный тулупчик, греет он хорошо, но слишком короток, и ноги чувствуют скверный мороз, достигающий здесь 35 и 40 по Реомюру. Адрес: Архангельск, улица Павлика Виноградова, 111.

<...> С Новым Годом!

Глубоко благодарный
Л. Федоров»⁹.

В январе 1931 — эзкарх Леонид Федоров сообщал Екатерине Павловне Пешковой подробности своего жития

<10 января 1931>

«Высокочитимая Екатерина Павловна

Еще раз благодарю Вас за Ваши заботы обо мне. Мне сообщили, что вы спрашиваете, можно ли купить мне что ли меховое в Архангельске. Сделать это довольно легко на здешнем рынке, если у меня будет около 80 рублей для этой цели. Обычная овчина (тулуп) стоит 120 р<ублей>, но я могу обменять купленный на присланные Вами 30 рублей тулупчик с прибавкой 70-80 рублей и буду уже иметь весьма солидную шубу, в которой меня не проймут никакие морозы, весьма сильные здесь в этом году (от 25-30-40 и даже больше).

Поместился я пока вместе с двумя высланными сюда ксендзами в помещении, похожем на большую собачью будку, но все-таки и это великое благо, т<ак> к<ак> в Архангельске нельзя достать даже угла. Один из ксендзов Осип Осипович Бородзюля¹⁰ писал когда-то Вам с просьбой о помощи, но не получил никакого ответа. Дело в том, что хотя он не нуждается в продуктах питания, однако, не может ниоткуда достать ни простого, ни теплого белья, т<ак> к<ак> достать здесь этих вещей никак нельзя, а он работает на распиловке дров и здоровьем не отличается. Потому он просил меня обратиться к Вам с этой просьбой. Ему нужно белье, фуфайка и теплые кальсоны. Если можете, то не откажите, т<ак> к<ак> даже за деньги достать этих вещей нельзя, рыночные же цены настолько невероятны, что не хватит никаких капиталов (напр<имер>, пара плохих вязаных чулок стоит 10 рублей). Жалко бедного молодого человека!

Когда дни будут длинные (приблизительно в середине марта) возьму сапожки и отправлюсь в Пинегу пешком. Это единственный дешевый способ передвижения. от моих простуд и жестокого кашля (был сухой

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 449. С. 46. Автограф.

¹⁰ **Бородзюля** Иосиф Иосифович, родился в 1893 в Витебской губ. В 1910 — окончил среднюю школу в Витебске, работал секретарем в городском суде. В 1917 — окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге и 27 мая 1917 — рукоположен. Поступил в духовную академию, но обучение не закончил в связи с ее закрытием. С 1919 — викарий прихода в Полоцке, с 1920 — в селах Каменно-Губин, Бешенковичи, Умачи Витебского деканата. 29 декабря 1926 — арестован в Витебске, в марте 1927 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. С 1927 — находился в Кеми, затем был отправлен на Попов-Остров, позднее переведен на строительство дороги Кемь-Ухтинск. В 1930 — из лагеря освобожден и отправлен на 3 года в ссылку в Архангельск.

плеврит) я уже здесь почти оправился и чувствую себя довольно бодро. Нервы тоже пришли в равновесие. В ГПУ сказали мне, что для перевода в более теплые края мне нужно подать заявление. Попробую это сделать.

Да вознаградит Вас Господь за Вашу доброту
Глубоко благодарный Л. Федоров»¹¹.

В начале 1931 — Леонид Иванович Федоров был арестован, несколько месяцев провел в Архангельской тюрьме, затем освобожден и в апреле выслан на 3 года в Котлас. В мае 1931 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<22 мая 1931>

«Котлас.
22/V-931.

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

На всякий случай отправляю это письмо заказным, т<ак> к<ак> не уверен в получении. Вы мою открытку из Котласа, куда меня перевели из Архангельска 17 апреля (в Котлас прибыл 20-го). Хотя климатические условия гораздо лучше, но в продовольственном отношении весьма плохо, тем более, что посылок из Москвы я совсем не получаю. Мне хотелось бы знать, в каком положении находится квартира, где жила Золкина¹² (на Пречистенском бульваре). Там находится часть моих вещей, а именно: 2 черных рясы, один белый полотняный подрясник, кожаные краги (1 пара), старое черное ватное пальто в виде рясы, наперсный крест (серебряный позолоченный), маленькое напестольное евангелие в серебряном переплете, иконы Спасителя и Божией Матери в серебряных ризах, несколько книг и те самые записки, которые мне были возвращены летом 1926 года по Вашему ходатайству, когда я был еще в Калуге. Теперь мне хотелось бы получить все это и по возможности некоторую часть ликвидировать. Все это имущество появилось у меня уже после 1923 года (кроме икон) и к моему конфискованному в том году имуществу не относится. Нельзя ли с Вашей помощью все это получить?

Я знаю, как вы заняты, и очень извиняюсь за беспокойство.

Кроме того, прошу, если возможно, какого-нибудь кожаного материала на сапоги (особенно подметки) и непромокаемый плащ с капюшоном.

Нельзя ли также снова двинуть дело о материалах, взятых у меня при обыске на Соловках, моих научных трудов.

Теплое белье и простое получил еще в Архангельске.

Глубоко благодарный
Л. Федоров.

Северо-Двинская Область, гор<од> Котлас,
Ленинская ул<ица>, дом Вострых (Хаморинского)»¹³.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 144. Автограф.

¹² **Золкина** Анна (Гиацинта) Ивановна, родилась в 1901. Окончила гимназию, в начале 1920-х — студентка физико-математического факультета Московского университета. Перешла в католичество. В 1923 — вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок под именем Гиацинта. 13 ноября 1923 — арестована по групповому делу русских католиков. 18 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки. Освобождена из-под стражи для ухода за больной сестрой-монахиней Екатериной Галкиной. В 1926 — познакомилась с епископом Пием Неве, благодаря ему смогла постоянно помогать сестрам-монахиням Абрикосовской общины, отправленным в Соловецкий лагерь, и высланным в Сибирь. 6 февраля 1931 — арестована по групповому делу русских католиков. 18 августа 1931 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Мариинское отделение Сиблага.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 174. Автограф.

На письме — пометы рукой Е. П. Пешковой:

- «1) Перед<ать> в <нрзб.>.
- 2) Справ<ится>, что послано.
- 3) Узнать о <нрзб.> и ответ<ить>.
- 4) Настаив<ать> о <возврате>. ЕП».

В конце июня 1931 — экзарх Леонид Федоров вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<27 июня 1931>

«Котлас. Ленинская ул<ица>, дом Вострых
27/VI-931.

Высокочтимая Екатерина Павловна.

Я уже отправил, месяц тому назад, заказное письмо, но не знаю, дошло ли оно до Вас (писал на Кузнецкий). Меня больше всего интересует, что стало с бывшей Абрикосовской квартирой (где жила А. И. Золкина). т<ак> к<ак> там было несколько моих вещей и книг. Из вещей там были: старое пальто, две рясы, белые пикейные брюки, пара кожаных краг, две иконы в ризах (Спасителя и Богоматери), серебряный позолоченный наперсный крест с цепью, малое напрестольное евангелие с серебряной крышкой. Все эти вещи были подарены мне уже после процесса 1923 г<ода>, так что конфискация к ним не относится. Здесьнее ГПУ сказало мне, что лучше всего хлопотать о возвращении мне этих вещей там на месте, т<о> е<сть> в Москве. Мне это важно потому, что хотелось бы ликвидировать почти все, что осталось из платья, т<ак> к<ак> мое положение становится все хуже и тяжелее, ввиду почти полного отсутствия помощи со стороны моих знакомых. Так что, если Вам удастся добыть эти вещи, то все платья и краги прошу прислать мне сюда. Кроме того, просил бы не отказать прислать мне материала на русские сапоги и непромокаемое пальто с капюшоном. Что касается до книг, имеющих на квартире, то я пришлю Вам их список, когда явится возможность вернуть их мне. Что касается до моих богословских записок, взятых у меня на Соловках, то, по предложению местного ГПУ, я снова подал им заявление о возвращении их мне. Они говорят, что последовало разрешение о выдаче их мне, но почему-то до сих пор эти записки все еще не получены. С продуктами здесь очень тяжело. Если возможно, то вышлите овсяного какао или толокно.

Глубоко благодарный
Л. Федоров»¹⁴.

24 июля 1931 — экзарх Леонид Федоров был вновь арестован, о чем сразу же сообщил Екатерине Павловне Пешковой.

<8 августа 1931>

«Котлас
8/VIII – 931.

Высокочтимая Екатерина Павловна.

Т<ак> к<ак> все на свете повторяется, то со мною повторилась Пинежская история, и уже с 24-го июля я нахожусь в бараках на Макарихе в версте от Котласа. Сегодня это же случилось и с Елизаветой Николаевной Щелкан, и она, пожалуй, составит мне кампанию. На этот раз даже неизвестна причина таких внезапных перемещений. Говорят, что

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 176. Автограф.

отправят в какое-то другое место. Но зачем понадобилось проводить эту меру таким путем — непонятно.

С глубочайшим уважением и преданностью
Л. Федоров»¹⁵.

Через полторы недели экзарх Леонид Федоров сообщал Екатерине Павловне Пешковой последние новости.

<20 августа 1931>

«Котлас
20/VIII – 931.

Высокочтимая Екатерина Павловна.

Получил Вашу телеграмму. Высланные мне 100 рублей я уже получил и тогда же уведомил Вас о получении. 19-го из Макарихи отправился этап, но я на него не попал, а потому адрес остается прежним (Лен<инская> ул<ица>, дом Вострых). Куда этап отправился — неизвестно; говорят, что на Яренск по Вычегде. С этапом отправлен о<тец> Петр Зелинский¹⁶. Сердечно благодарю за 50 р<ублей>, которые Вы мне посылаете, но их я еще не получил. Если и меня в скором времени куда-нибудь отправят, то вероятно, что эти деньги вернуться к Вам обратно. Само собой разумеется, что по прибытии на новое место, сообщу сейчас же мой адресок.

С глубочайшей признательностью
Л. Федоров»¹⁷.

28 августа 1931 — Екатерина Павловна Пешкова сообщила экзарху Леониду Федорову об окончательном решении ОГПУ.

<28 августа 1931>

«КОТЛАС МАКАРИХА БАРАК ФЕДОРОВУ ЛЕОНИДУ

ПОЛУЧЕННОЙ СПРАВКЕ ПРИГОВОРЕНЫ ССЫЛКЕ А НЕ ЛАГЕРЬ
ИЗВЕЩЕНИЕ ДАЕТСЯ ТЕЛЕГРАФНО.

ПЕШКОВА»¹⁸.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 172. Автограф.

¹⁶ **Зелинский** Петр Петрович, родился в 1863 в Могилевской губ. Окончил гимназию, духовную семинарию и духовную академию в Санкт-Петербурге со степенью магистра богословия, в 1891 — был рукоположен. С 1894 — администратор прихода Успения Пресвятой Девы Марии в Могилеве и законоучитель в женской гимназии, с 1904 — декан Могилевский, с 1912 — администратор прихода и декан в Несвиже под Минском, с 1916 — настоятель храма Свв. Апп. Петра и Павла и декан Московский. 23 марта 1923 — арестован по групповому делу католического духовенства. 21-26 марта 1923 — приговорен к 3 годам ссылки. 10 июня 1923 — освобожден благодаря ультиматуму МИДа Польши. 6 марта 1924 — вновь арестован, приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Чердынь Пермской области; служил там в местном приходе. В 1926 — отказался выехать по обмену в Польшу, остался служить в СССР. В 1927 — освобожден из ссылки с ограничением проживания в 6 крупнейших городах и пограничных областях сроком на 3 года; поселился в Твери. В 1927 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Усть-Сысольск, 15 января 1930 — переведен в Краснококшайск (Коми АССР). 30 июня 1930 — освобожден из ссылки с ограничением проживания в 6 крупнейших городах и пограничных областях сроком на 3 года; поселился в Уфе. В ноябре 1930 — вновь арестован, 5 июня 1931 — приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. С марта 1931 — находился в ссылке в Усть-Куломе (Коми АССР), 18 октября 1931 — скончался в больнице от сыпного тифа.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 173. Автограф.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 169. Машинопись.

Получив телеграмму, экзарх Леонид Федоров обратился к Екатерине Павловне Пешковой с просьбой.

<31 августа 1931>

«Котлас
31/VIII-931.

Высокопочтимая Екатерина Павловна,

Не знаю, получили ли Вы открытку, которую я послал неделю тому назад. В ней я извещал о получении 100 р<ублей>, посланных Вами 2 июля. Пятидесяти же рублей, которых Вы направили мне, еще нет. Должно быть, не найдя меня на Макарихе, их вернули обратно. Я же пока на прежнем месте и, по-видимому, перемена не предвидится. Просил бы прислать брезентовое пальто с капюшоном ввиду наступающей осени. Денег на пальто не присылайте, т<ак> к<ак> таких вещей здесь достать нельзя!

Глубоко признательный
Л. Федоров»¹⁹.

Летом 1932 — срок ссылки у экзарха Леонида Федорова был окончен, но документы на выезд ему не выдали. В начале ноября 1932 — он обратился за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу, заместителю Екатерины Павловны Пешковой.

<4 ноября 1932>

«Многоуважаемый Михаил Львович!

Срок мой, действительно, кончен. На этот счет ГПУ не возражает, но продолжается обычное уже кормление "завтраками", когда приходишь с целью узнать: когда же, наконец, будет дана виза на выезд? К начальнику попасть невозможно. Обыкновенно предлагают подать заявление, а оно идет в корзину или в иное хорошее место. Здесь есть люди, сидящие по 3, 6, 8 и более месяцев сверх срока. Я видел одного, получившего визу через 1 год 4 месяца! 3-х месячный стаж сидения сверх срока считается "обычным пустяком", но есть и такие счастливики, которые получают визу на 2 или 3 день после подачи заявления <...> Искренне прошу извинить меня за беспокойство, т<ак> к<ак> дело угрожает затянуться, а мои письма Ек<атерине> Павл<овне> регулярно не доходят. Осмеливаюсь, кстати, попросить прислать мне хоть пару белья, кубиков Maggi, сахару и какой-нибудь крупы, т<ак> к<ак>, благодаря неурожаю картофеля, мы терпим большой недостаток во всем. Базар пустой, а мясо и масло не по карману. Наконец, еще раз прошу, не будет ли возможно найти какой-нибудь непромокаемый плащ, т<ак> к<ак> то, в чем я хожу, представляет из себя одно сплошное недоразумение (куплен еще в 1926 году), скорее помогающее дождям и туману проникать до моих старых костей, нежели защищающее их от непогоды. Остаюсь глубоко благодарный Л. Федоров <...>»²⁰.

В январе 1933 — экзарх Леонид Федоров обратился лично к Екатерине Павловне Пешковой.

<21 января 1933>

«Губино.
21/I-933.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 661. С. 175. Автограф.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 720. С. 26. Автограф.

От 7 /XII получил открытку с подписью Винаверу, где меня извещали, что извещение о Вашей дальнейшей участи будет послано нам... однако, до сих пор этого извещения местное ГПУ не получило, как еще мне сказали там об этом вчера. С 10-го января пошел уже шестой месяц, как я сижу сверх срока.

Если я хорошо понял закон о новой паспортной системе, то ни в каком городе я более жить не могу, а только в какой-либо деревне на известном расстоянии. Будьте столь добры, уведомить меня об этом, чтобы знать, где искать пристанище. Вы бы послали мне такое извещение, с которым я мог пойти прямо к начальнику здешнего ГПУ, т<ак> к<ак> без такового к нему не пускают. Прошу прощение за беспокойство.

Глубоко благодарный Л. Федоров»²¹.

Через четыре дня экзарх Леонид Федоров отправил срочную телеграмму-молнию Е. П. Пешковой.

<25 января 1933>

«КОТЛАСА

МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ ПЕШКОВОЙ

ОТПРАВЛЯЮТ КУДА-ТО ЗАДЕРЖИТЕ ШИПИЦИНО ГУБИНО ФЕДОРОВ»²².

На телеграмме — помета секретаря Помполита:

«У Леон<ида> Иван<овича> конч<ился> ср<ок> сс<ылки> в Котласе Сев<ерного> края. 10/VIII-32».

Екатерина Павловна Пешкова, получив ответ из ОГПУ, отправила экзарху Леониду Федорову телеграмму-молнию.

<28 января 1933>

«КОТЛАС ПОЧТА ШИПИЦИНО ДЕРЕВНЯ ГУБИНО ФЕДОРОВУ

ОТВЕТ ОСТАВЛЕНИИ ГУБИНО ОЖИДАЕТСЯ ЗАВТРА ПЕШКОВА»²³.

В тот же день, получив телеграмму, экзарх Леонид Федоров отправил Екатерине Павловне Пешковой благодарственное письмо.

<28 января 1933>

«Губино. Федоров Леонид Иванович.

Сим удостоверяю, что посланные Вами сто рублей (100 р<ублей>) 9 января сего года за № 66 мною получены. 25-го января мною была отправлена к Вам телеграмма-молния с просьбой о принятии мер к задержанию меня на месте, т<ак> к<ак> грозит отправление куда-то всех служителей культа. Кроме того, еще раньше мною была послана открытка с оплаченным ответом (заказная), в которой я уведомлял Вас о том, что никакого извещения о моей дальнейшей участи здешним ГПУ не получено, несмотря на то, что уже прошло более полутора месяца со времени получения мною этого извещения. Если меня отправят куда-либо в другой район, то дело о моем освобождении затянется еще больше.

С глубочайшей благодарностью.

Л. Федоров»²⁴.

²¹ ГАРФ. ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 70. Автограф.

²² ГАРФ. ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 71. Машинопись.

²³ ГАРФ. ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 72. Машинопись.

В сентябре 1933 — экзарх Леонид Федоров вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<16 сентября 1933>

«Котлас.
16/IX-933.

Высокочтимая Екатерина Павловна.

1) Прилагаемое при сем письмо прошу отправить в Варшаву по следующему адресу

Warszawa smolna 7
delegat rosyiskiegotowarzystura
czerwonegokrzyza
P. Stefanya Sempolowska

2) Затем уведомляю Вас, что мною получены через Помощь Полит<ических> Закл<юченных> 2 посылки. при вскрытии их меня поразила их почти одинаковое содержание. Через три дня внимательно посмотрев на один из ордеров, я увидел, что она написана на имя Садовского П. П. за № 1266, тогда как другой на мое имя за № 3-1258.

Очевидно, произошла ошибка. Что теперь делать? Сообщите мне адрес Садовского и пришлите 15 рублей на пересылку, т<ак> к<ак> мы можем посылать только по 8 кило, и посылку придется разделить на 2 части. К счастью, продукты второй посылки остались в целости (пострадал только шоколад!).

Мой адрес снова:

Котлас, ул<ица> Ленина, <дом> 107

Дом Анны Павловны Вострых.

Глубоко благодарный Л. Федоров.

P. S. По получении письма известите немедленно»²⁵.

Через неделю экзарх Леонид Федоров получил ответ от секретаря Помполита.

<23 сентября 1933>

«Л. Федорову

Ваше письмо получено. Посылку, посланную Вам по ошибке, возьмите себе, а мы Садовскому вышлем другую»²⁶.

В декабре 1933 — экзарх Леонид Федоров был освобожден из ссылки, но с ограничением проживания на 3 года (-12). В декабре обратился за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<14 декабря 1933>

«Многоуважаемый Михаил Львович.

Наконец-то я получил документ о моем освобождении. Мне дано -12. Отправляюсь в Вятку. Ввиду тяжелого состояния моей болезни, не думаю, однако, выехать туда раньше конца декабря месяца.

Местное ОГПУ настаивает на том, что срок моей высылки истек только 10-го августа 1933 года (а не 1932). Оснований для этого никаких не приводится. один из агентов привел только то соображение, что "по всей

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 67. Автограф.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 82. Автограф.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 79. Машинопись.

вероятности" мне был дан 4-х летний срок вольной высылки (а не трех летний). Конечно, ничего подобного не было, и я заявил, что подам протест против неправильного применения мне нового срока от 10-го августа 1933 года (так<им> образом меня хотят заставить пробыть в Вятке лишний год). Поэтому будьте столь добры, передать прилагаемое при сем заявление по назначению.

При прибытии в Вятку дам знать телеграммой о моем адресе. Очень боюсь, как бы Вятское ОГПУ не отправило меня куда-нибудь в захолустье, где нет ни Торгсина, ни медицинской помощи, тогда как именно в Вятке можно найти и то, и другое. Я же превратился в полного инвалида, а потому, попав в такие условия, на этот раз, наверно, не выдержу. А потому прошу Вас, если со мной произойдет подобный казус, принять все меры для моего оставления в Вятке.

С совершенным почтением и благодарностью
Л. Федоров»²⁷.

На письме — помета секретаря ПКК:

«Дано в С<екретно>-П<олитический> О<тдел>. 14/XII-33».

Именно 14 декабря было передано официальное заявление Леонида Ивановича Федорова.

<14 декабря 1933>

«В Центральное Управление ОГПУ
Заявление

Экзарха Русской Католической Церкви
Федорова Леонида Ивановича

17 ноября сего 1933 года в местном отделении ГПУ города Котласа мне было заявлено, что срок моей высылки окончен, и я получаю возможность пребывания в СССР по форме минус 12. Когда я заявил, что срок моей высылки окончился не 10 августа 1933 года, а 10 августа 1932 года, то мне было отвечено, что так указано в присланных на мое имя бумагах. Я предложил тогда сосчитать причитающиеся мне сроки, чтобы увидеть, что 1932 годом действительно оказывается срок моей высылки (освобожден из Соловков 10 августа 1929 года). Тогда мне было сказано, что "по всей вероятности" я получил не три, а четыре года вольной высылки. Но подобное соображение не выдерживает никакой критики, т<ак> к<ак>, расписываясь в Соловках на месте нашего нового назначения, я очень хорошо видел, что мне было дано не 4, а 3 года вольной высылки, тоже самое было указано и в моем удостоверении на жительство в Пинеге (куда я был направлен в 1929 году). Вообще, не только мне, но и остальным лицам, бывшим в одном со мною этапе никому 4-х летнего срока вольной высылки не было назначено (либо 3, либо 5). Если бы впоследствии было постановлено Коллегией ОГПУ прибавить мне еще один год вольной высылки, то я был бы, конечно, поставлен об этом в известность, чего на самом деле сделано не было. Предполагаю, что все недоразумение нужно отнести на счет пожара, уничтожившего в 1932 году здание здешнего ГПУ, а вместе с тем и массу документов, касающихся ссыльных.

Поэтому прошу Вас принять все зависящие от Вас меры для восстановления действительного срока моей вольной высылки.

Л. Федоров.

Котлас

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 93. Автограф.

Декабря 8 дня 1933 года
Ленинская ул<ица>, <дом> 107»²⁸.

В январе 1934 — экзарх Леонид Федоров вновь обратился к Екатерине Павловне Пешковой.

<1 января 1934>

«Вятка.
6/1-934.

Высокочитимая и дорогая
Екатерина Павловна.

Если бы не дошла открытка, то придет срочная телеграмма с указанием моего нового адреса. Приехал в Вятку 3-го. Котласское ГПУ уверило меня, что никаких препятствий для моего пребывания в Вятке быть не может. Но вот я сдал мой документ и ожидаю вида на жительство. Хожу уже три дня. Оно все еще не готово, и я начинаю трепетать... Не придет ли в голову здешней администрации и выслать меня в деревне? Это было бы для меня последним ударом! Хотя я немного поправился, однако, едва хожу и не представляю себе, как буду я в таком случае делать закупки в Торгсине. Потому буду просить Вас сделать все возможное, чтобы меня оставили в покое. 8-го декабря пойду опять за документом и тогда, быть может, моя участь будет решена. В случае чего, извещу Вас телеграммой. Я отправил еще из Котласа на имя Винавера заявление для Центрального ГПУ. Получили ли вы его, и каков результат? В общем, моральное мое состояние очень тяжело. Не так угнетает болезнь, как сознание своей полной бесполезности, приходится мириться с положением какой-то богаделенки, питаемой за счет милостивых благодетелей. Другие уезжают туда, где могут работать, а я, очевидно, к животному прозябанию. Снова прошу Вас упомянуть о моих сочинениях, забранных в Соловках в 1928 году. Что же это значит? Три года уже, как состоялось постановление о выдаче их мне (как сказали мне и в ГПУ), и до сих пор ничего нет, несмотря на мои заявления? Простите за беспокойство.

Глубоко благодарный
Л. Федоров»²⁹.

7 января 1934 — Леонид Иванович сообщил телеграммой свой новый адрес в Вятке по улице Володарского, дом 172, квартира Калинина³⁰.

23 февраля 1934 — к Е. П. Пешковой обратилась Л. Македонская, получившая от Леонида Ивановича Федорова письмо.

<23 февраля 1934>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

В январе с<его> г<ода> получила от Л. Федорова письмо, в кот<ором> он просит передать Вам:

1) что он устроился в Вятке на ул<ице> Володарского, <дом> № 172, кв<артира> Калинина, куда ему можно переслать обещанные Вами деньги,

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 957. С. 92. Автограф.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 49. Автограф.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 49. Машинопись.

2) что им еще из Котласа отправлено заявление через М. Л. Винавера в Центральное ОГПУ. Каковы результаты, и вообще получено ли это заявление?

3) он просит снова похлопотать о возвращении ему его соловецких научных работ, кот<орые> ему не выдают, несмотря на неоднократное постановление о выдаче.

Чем вызвано это обращение Л. И. Федорова ко мне, не знаю, вероятно, вследствие каких-нибудь почтовых недоразумений и перемены адреса он потерял контакт с Вами. Во всяком случае исполнила его просьбу, если запоздала, и Вы уже в курсе всего этого, то прошу извинить за беспокойство.

Л. Македонская.

Калуга, ул<ица> Клары Цеткин, д<ом> 17.
23/II – 34»³¹.

В апреле 1934 — экзарх Леонид Федоров сообщил Екатерине Павловне Пешковой о получении денег и вновь упоминал о своих рукописях.

<6 апреля 1934>

«Вятка.
6/IV-934.

Высокопочтимая и дорогая
Екатерина Павловна.

Хотя Вы и не послали мне официального извещения, но думаю, что 79 р<ублей> 80 коп<еек> с переводом на Торгсин получены через Вас, а потому сим удостоверяю в их получении. Теперь я полностью могу экипироваться. Выражаю мою глубокую благодарность. никакого ответа относительно моего заявления о сроке моей высылки до сих пор нет. Моих рукописей тоже до сих пор не возвратили.

С глубочайшей благодарностью
Л. Федоров»³²

*На письме — помета секретаря Помполита:
«Написать, чтобы присл<ал> новое заявл<ение> на имя ОГПУ».*

В конце апреля 1934 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил экзарху Леониду Федорову.

<25 апреля 1934>

«Л. И. ФЕДОРОВУ.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, т<ак> к<ак> ответа на В<аше> заявление о возвращении Вам рукописей до сих не получено, Вы можете прислать нам новое заявление на имя ОГПУ.

О сроке В<аших> ограничений справку наводим»³³.

В начале мая 1934 — экзарх Леонид Федоров обратился за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу, приложив к этому письму новое заявление в ОГПУ по поводу своих «конфискованных на Соловках рукописях»³⁴.

<3 мая 1934>

³¹ ГАРФ. ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 62. Автограф.

³² ГАРФ. ф. 8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 56. Автограф.

³³ ГАРФ. ф. 8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 61. Машинопись.

³⁴ ГАРФ. ф. 8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 59. Автограф.

«Вятка
З/У-934

Многоуважаемый Михаил Львович.

При случае решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Недостатка я пока ни в чем не имею и обеспечен на целое лето при помощи Торгсиновских карточек. Недавно я купил там непромокаемый плащ за 4 р<ублей> 40 коп<еек> (как видите — изрядная сумма), но он при первом же дожде промок насквозь. Несмотря на все мои убеждения, что такой quasi — непромокаемый плащ не оправдывает своего назначения, мне не захотели даже обменять его на что-либо иное. Пришлось продать эту блестящую дрянь за полцены на базаре. Опытные люди говорят, все подобного рода изделия никуда не годятся, и советуют приобрести брезентовый плащ. Я сам знаю по опыту, что это хорошая защита от дождя. Но горе в том, что такие плащи получают у нас лишь ударники, да и то далеко не все. Не можете ли Вы достать мне чего-либо подобного? Если нет готового плаща, то хоть брезенту белого или черного (все равно) в количестве, достаточном для хорошего плаща. Простите за беспокойство, т<ак> к<ак> в моем положении такая вещь играет весьма важную роль, особенно осенью.

Глубоко благодарный
Л. Федоров»³⁵.

В мае 1934 — заведующий юридической комиссии Помполита сообщил экзарху Леониду Федорову об информации, полученной в ОГПУ.

<22 мая 1934>

«ФЕДОРОВУ Леониду Ив<ановичу>

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, относительно возвращения Вам рукописей обещано запросить Соловки».

3, 4 и 22 июня 1934 — экзарх Леонид Федоров отправил благодарственные письма за присланные посылки и деньги валютой на Торгсин.

<3 июня 1934>

«Вятка
З/VI-934

Федоров Леонид Иванович

Сим удостоверяю, что отправленная Вами на мое имя посылка 25/У сего года за № 665.

Также получено переводом на Торгсин 26 рублей 50 коп<еек> (двадцать шесть).

С глубочайшей благодарностью
Л. Федоров»³⁶.

В июле 1934 — экзарх Леонид Федоров вновь запрашивал Михаила Львовича Винавера о своих рукописях, изъятых на Соловках.

<19 июля 1934>

«Вятка
19/VII-934

Многоуважаемый Михаил Львович.

³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 51. Автограф.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 52. Автограф.

Пользуюсь случаем, чтобы переслать Вам эту открытку. Нет ли каких известий относительно моих рукописей и моего срока?

С глубочайшим уважением
Л. Федоров»³⁷.

На письме — помета секретаря Помполита:

«Увед<омить>, что запр<осили> Соловки о рукопис<ях> Леонид<а> Ив<ановича>».

В сентябре он вновь обращался за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<10 сентября 1934>

«Вятка
10/IX - 934

Многоуважаемый Михаил Львович.

Давно уже Вы писали мне, что наводите справки о моих сочинениях и о моем сроке. Есть ли какие-нибудь результаты? Получили ли Вы мою открытку месяц тому назад. Простите за беспокойство.

Благодарный Л. Федоров»³⁸.

На письме — помета секретаря Помполита:

«Спр<авка> после 29/VII-34».

«С<екретно>-П<олитический> О<тдел>. 11/VIII».

2, 15 сентября 1934 — экзарх Леонид Федоров благодарил Екатерину Павловну Пешкову за присланные деньги и посылку. В октябре он обратился к ней за помощью.

<20 октября 1934>

«Ввиду того, что мое здоровье с началом осени снова совершенно расстроилось, то я решил переселиться в местность с более мягким климатом, а, именно, в Западную Область, гор<од> Рославль (между Смоленском и Брянском). Я уже подал в местное ГПУ заявление о разрешении поселиться мне в новом месте. Начальник лично ничего против этого не имеет, но послал мое заявление по инстанции в гор<од> Горький. Т<ак> к<ак> все это может продлиться довольно долго, то прошу Вас как-нибудь пошевелить это дело в Центре, здешний начальник ГПУ находит это вполне целесообразным.

Наведены ли справки относительно моих сочинений, взятых у меня на Соловках?

Л. Федоров»³⁹.

В январе 1935 — экзарх Леонид Федоров обратился к Екатерине Павловне Пешковой из Вятки (переименованной в город Киров).

<14 января 1935>

«Киров.
14/I-935.

Высокочтимая
Екатерина Павловна.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 54. Автограф.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 69. Автограф.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1242. С. 65 об. Автограф.

Прошу передать мою сердечную благодарность лицам, приславшим мне 30 р<ублей> на Торгсин.

Присоединяю заявление на имя Центр<ального> ОГПУ по поводу моего переезда в Рославль. Северный климат меня буквально убивает. Чтобы пройти расстояние с версту, мне нужно потратить целый час, т<ак> к<ак> приходится раза 4 остановиться для отдыха и идти черепашиным шагом.

Нет ли каких-нибудь результатов относительно моего срока и судьбы моих Соловецких произведений. Винавер еще давно летом писал мне, что должен запросить Соловки! Но до сих пор об этом ничего не известно.

С чувством глубокой благодарности
Л. Федоров»⁴⁰.

На письме — две пометы секретаря Помполита:
«Е<катерине> Пав<ловне>».
«С<екретно>-П<олитический> О<тдел>».

В феврале 1935 — экзарх Леонид Федоров телеграфировал Екатерине Павловне Пешковой о возникших у него проблемах.

<11 февраля 1935>

«МОЛНИЯ КИРОВА
МОЛНИЯ МОСКВА КУЗНЕЦКИЙ МОСТ 24 ПЕШКОВОЙ
УПЛОТНЯЮТ ПОСПЕШИТЕ ПЕРЕВОДОМ МОГУ ОСТАТЯ
УЛИЦЕ»⁴¹.

На письме — помета заведующего юридическим отделом Помполита:

«Федоров Леон<ид> Иван<ович> о перев<оде> в Рославль Зап<адной> обл<асти>. 11/II-35».

В тот же день Екатерина Павловна Пешкова телеграфировала экзарху Леониду Федорову.

<11 февраля 1935>

«КИРОВ ВОЛОДАРСКОГО 172 2
ФЕДОРОВУ ЛЕОНИДУ
ОТВЕТ ОЖИДАЮ ТРИНАДЦАТОГО ПЯТНАДЦАТОГО
ПЕШКОВА»⁴².

Через неделю заведующий юридическим отделом Помполита сообщил экзарху Леониду Федорову о судьбе его рукописей.

<17 января 1935>

«Л. И. ФЕДОРОВУ

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что т<ак> к<ак> Ваших рукописей не могут найти, хлопотать о возвращении их бесполезно»⁴³.

*7 марта 1935 — экзарх Леонид Федоров скончался*⁴⁴.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1330. С. 138. Автограф.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1330. С. 140. Машинопись.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1330. С. 139. Машинопись.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1330. С. 137. Машинопись.

⁴⁴ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М.: «Серебряные Нити», 2000. С. 170.